

НОВАЯ ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
КРУЖКА УЧАЩИХСЯ

Под редакціей
Ив. Сахарова
и Л. Ереминой.

№ 17.

ЛЯГУШКА
ПУТЕШЕСТВЕННИЦА.

ИЗЪ ЖИЗНИ
ЛЯГУШКИ-КВАКУШКИ.

КНИЖКА для ЧТЕНІЯ
въ 1^{мъ} году

Изданіе В. М. Саблина.

Дорогіє друзья!

Представляемъ вамъ двѣ сказки Всеволода Михайловича Гаршина «Лягушка-путешественница» и «Изъ жизни лягушки-квакушки». Первая сказка, извѣстная многимъ людямъ съ дѣтства, расскажетъ намъ о лягушкѣ, которая рѣшила посмотрѣть, что такое югъ и уговорила перелетныхъ утокъ взять ее съ собой. Утки несли ее на прутикѣ, а люди внизу смотрѣли на нихъ и удивлялись, спрашивая, кто же такое придумаль... Лягушка при этомъ возгордилась и раскрыла ротъ, которымъ держалась за прутикъ, чтобы похвастаться. Такъ она и не долетѣла до юга...

Во второй сказкѣ другая (а можетъ быть и эта) лягушка расскажетъ намъ, какъ она родилась, какъ росла, какъ жила. Пожалуется она и о томъ, что много бѣдъ ей можетъ принести дѣтская шалость.

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ соотвѣтствіи съ изданіемъ отъ 1911 года¹.

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

---

¹ Гаршинъ, В. М. Лягушка-путешественница: Изъ жизни лягушки-квакушки: Кн. для чтенія въ 1 году обученія / [Гаршинъ]. – Москва: В.М. Саблинъ, 1911. – 41 с.: ил.; 17. – (Новая школьная библіотека «Кружка учащихся» / Подъ ред. Ив. Сахарова и Л. Ереминой; № 17).

НОВАЯ ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
«КРУЖКА УЧАЩИХЪ»
подъ редакціей Ив. Сахарова и Л. Ереминой.

Лягушка-путешественница.

ИЗЪ ЖИЗНИ

ЛЯГУШКИ-КВАКУШКИ.

Книжка для чтенія въ 1 году обученія.

№ 17.

Изданіе В.М. Саблина. Москва. – 1911.
Складъ изданія исключительно въ т-вѣ «Культура»:
въ С.-Петербургѣ, 3-я Рождественская 26. въ Москвѣ,
Кузнецкій Мостъ 15. и во всѣхъ провинціальныхъ
отдѣленіяхъ т-ва «Культура».

ЛЯГУШКА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА.

Былъ хмурый осенній день. Скучно въ полѣ, въ лѣсу; но еще скучнѣе около болота, гдѣ жила лягушка. Всѣмъ бы ея житье было хорошо, если бы не разныя прожорливыя птицы, напр. аистъ, цапля, журавль и др. Но этотъ разъ лягушка все-таки не горевала: она сидѣла на сучкѣ высунувшейся изъ воды коряги и наслаждалась теплымъ мелкимъ дождикомъ.

«Ахъ, какая сегодня прекрасная мокрая погода! — думала она. — Какое это наслажденіе жить на свѣтѣ!»

Дождикъ моросилъ по ея пестренькой лакированной спинкѣ; капли его подтекали ей подъ брюшко и за лапки, и это было восхитительно-пріятно, такъ пріятно, что она чуть-чуть не заквакала; но, къ счастью, вспомнила, что была уже осень и что осенью лягушки не квакають — на это есть весна — и что, заквакавъ, она можетъ уронить свое лягушечье достоинство. Поэтому она промолчала и продолжала нѣжиться.

Вдругъ тонкій, свистящій, прерывистый звукъ раздался въ воздухѣ. Есть такая порода утокъ: когда онѣ летять, то ихъ крылья, разсѣкая воздухъ, точно поють, или, лучше сказать, посвистываютъ; фью-фью, фью-фью раздается въ воздухѣ, когда летитъ высоко надъ вами стадо дикихъ утокъ, а ихъ самихъ даже и не видно — такъ онѣ высоко летять. На этотъ разъ утки, описавъ огромный полукругъ, спустились и сѣли какъ разъ въ то самое болото, гдѣ жила лягушка.

— Кря-кря — сказала одна изъ нихъ. — Летѣть еще далеко: надо покушать.

И лягушка сейчасъ же спряталась. Хотя она и знала, что утки не станутъ ѣсть ее, большую и толстую квакушку, но все-таки, на всякій случай, нырнула подъ корягу. Однако, подумавъ, она рѣшилась высунуть изъ воды свою лупоглазую голову: ей было очень интересно узнать, куда летять утки.

— Кря-кря! — сказала другая утка, — ужъ холодно становится. Скорѣй на югъ! скорѣй на югъ!

И всѣ утки стали громко крякать въ знакъ одобренія.

— Госпожи утки, — осмѣлилась сказать лягушка, — что такое югъ, на который вы летите? Прошу извиненія за беспокойство.

И утки окружили лягушку. Сначала у нихъ явилось желаніе съѣсть ее, но каждая изъ нихъ подумала, что лягушка слишкомъ велика и не пролѣзетъ въ горло. Тогда всѣ онѣ начали кричать, хлопая крыльями:

— Хорошо на югѣ! Теперь тамъ тепло! Тамъ есть такія славныя, теплыя болота! Какіе тамъ червяки! Хорошо на югѣ!

Онѣ такъ кричали, что почти оглушили лягушку. Едва-едва она убѣдила ихъ замолчать и попросила одну изъ нихъ, которая казалась ей толще и умнѣе всѣхъ, объяснить ей, что такое югъ. И когда та рассказала ей о югѣ, то лягушка пришла въ восторгъ, но въ концѣ все-таки спросила, потому что была осторожна:

— А много ли тамъ мошекъ и комаровъ?

— О! цѣлыя тучи! — отвѣчала утка.

— Ква! — сказала лягушка и тутъ же обернулась посмотреть, нѣтъ ли здѣсь подругъ, которыя могли бы услышать ее и осудить за кваканіе осенью. Она ужъ никакъ не могла удержаться, чтобы не квакнуть хоть разикъ.

— Возьмите меня съ собой!

— Странно! воскликнула утка. — Какъ мы тебя возьмемъ? у тебя нѣтъ крыльевъ.

— Когда вы летите? — спросила лягушка.

— Скоро, скоро! — закричали всѣ утки. — Кря-кря! кря-кря! Тутъ холодно! На югъ! на югъ!

— Позвольте мнѣ подумать только пять минутъ, — сказала лягушка; — я сейчасъ вернусь, я навѣрное придумаю что-нибудь хорошее.

И она шлепнулась съ сучка, на который, было, снова взлѣзла, въ воду, нырнула въ тину и совершенно зарылась въ ней, чтобы посторонніе предметы не мѣшали ей размышлять. Пять минутъ прошло, утки совсѣмъ, было, собрались летѣть, какъ вдругъ изъ воды, около сучка, на которомъ, сидѣла лягушка, показалась ея морда, и выраженіе этой морды было самое сіяющее, на какое только способна лягушка.

— Я придумала! я нашла! — сказала она. — Пусть двѣ изъ васъ возьмутъ въ свои клювы прутикъ, а я прицѣплюсь за него посрединѣ. Вы будете летѣть, а я ѣхатъ. Нужно только, чтобы вы не крякали, а я не квакала, и все будетъ превосходно.

Хотя молчать и тащить, хотя бы и легкую лягушку, три тысячи верстъ не Богъ знаетъ какое удовольствіе, но ея умъ привелъ утокъ въ

такой восторгъ, что онѣ единодушно согласились нести ее. Рѣшили перемѣняться каждые два

часа, и такъ какъ утокъ было, какъ говорится въ загадкѣ, столько, да еще столько, да полстолько, да четверть столько, а лягушка была одна, то нести ее приходилось не особенно часто. Нашли хорошій, прочный прутикъ, двѣ утки взяли его въ клювы, лягушка прицепилась ртомъ за середину, и все стадо поднялось на воздухъ. У лягушки захватило духъ отъ страшной высоты, на которую ее подняли; кромѣ того, утки летѣли неровно и дергали прутикъ; бѣдная квакушка болталась въ воздухѣ, какъ бумажный паяцъ, и изо всей мочи стискивала свои челюсти, чтобы не оторваться и не шлепнуться на землю. Однако она скоро привыкла къ своему положенію и даже начала осматриваться. Подъ нею быстро проносились поля, луга, рѣки и горы, которые ей, впрочемъ, было очень трудно рассматривать, потому что, вися на прутикѣ, она смотрѣла назадъ и немного вверхъ, но кое-что все-таки видѣла и радовалась и гордилась.

«Вотъ какъ я превосходно придумала», думала она про себя.

А утки летѣли вслѣдъ за несшей ее передней парой, кричали и хвалили ее.

— Удивительно умная голова наша лягушка, — говорили онѣ, — даже между утками мало такихъ найдется.

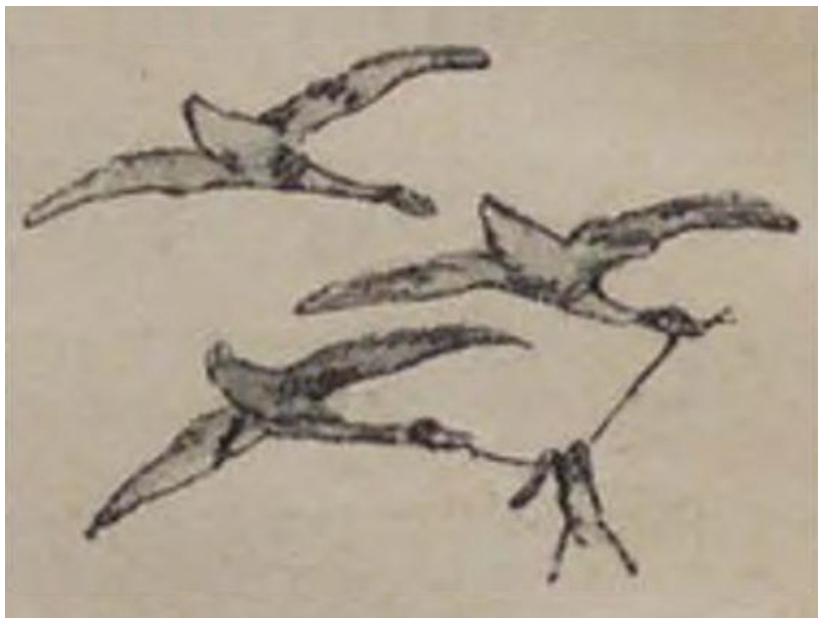
Она едва удерживалась, чтобы не поблагодарить ихъ, но вспомнивъ, что открывъ ротъ, она свалится съ страшной высоты, еще

крѣпче стиснула челюсти и рѣшилась терпѣть. Она болталась такимъ образомъ цѣлый день: несшія ее утки перемѣнялись на лету, ловко подхватывая прутикъ; это было очень страшно: не разъ лягушка чуть было не квакнула отъ страха, но нужно было имѣть присутствіе духа, и она его имѣла. Вечеромъ вся компанія остановилась въ какомъ-то болотѣ; съ зарею утки съ лягушкой снова пустились въ путь; но на этотъ разъ путешественница, чтобы лучше видѣть, что дѣлается на пути, прицѣпилась спинкой и головой впередъ, а брюшкомъ назадъ. Утки летѣли надъ сжатыми полями, надъ пожелтѣвшими лѣсами и надъ деревнями, полными хлѣба въ скирдахъ; оттуда доносился людской говоръ и стукъ цѣповъ, которыми молотили рожь. Люди смотрѣли на стаю утокъ и, замѣчая въ ней что-то странное, показывали на нее руками. И лягушкѣ ужасно захотѣлось летѣть поближе къ землѣ, показать себя и послушать, что о ней говорятъ. На слѣдующемъ отдыхѣ она сказала:

— Нельзя ли намъ летѣть не высоко? У меня отъ высоты кружится голова, и я боюсь свалиться, если мнѣ вдругъ сдѣлается дурно.

И добрыя утки общали ей летѣть пониже, На слѣдующій день онѣ летѣли такъ низко, что слышали голоса:

— Смотрите, смотрите! — кричали дѣти въ одной деревнѣ. — Утки лягушку несутъ.

Лягушка услышала это, и у нея прыгало сердце.

— Смотрите, смотрите! — кричали въ другой деревнѣ взрослые. — Вотъ чудо-то!

«Знають ли они, что это придумала я, а не утки?» подумала квакушка.

— Смотрите, смотрите! — кричали въ третьей деревнѣ. — Экое чудо! И кто это придумалъ такую хитрую штуку?

Тутъ лягушка ужъ не выдержала и, забывъ всякую осторожность, закричала изо всей мочи:

— Это я! я!

И съ этимъ крикомъ она полетѣла вверхъ

тормашками на землю. Утки громко закричали; одна изъ нихъ хотѣла подхватить бѣдную спутницу на лету, но промахнулась.

Лягушка, дрыгая всѣми четырьмя лапками, быстро падала на землю; но такъ какъ

утки летѣли очень быстро, то и она упала не прямо на то мѣсто, надъ которымъ закричала и гдѣ была твердая дорога, а гораздо дальше, что

было для нея большимъ счастьемъ, потому что она бултыхнулась въ грязный прудъ на краю деревни.

Она скоро вынырнула изъ воды и тотчасъ же опять сгоряча закричала во все горло:

— Это я! Это я придумала!

Но вокругъ ея никого не было. Испуганныя неожиданнымъ плескомъ, мѣстныя лягушки всѣ попрятались въ воду. Когда онѣ начали показываться изъ нея, то съ удивленіемъ смотрѣли на новую.

И она рассказала имъ чудную исторію о томъ, какъ она думала всю жизнь и, наконецъ, изобрѣла новый необыкновенный способъ путешествія на уткахъ, какъ у нея были свои собственныя утки, которыя носили ее, куда ей было угодно; какъ она побывала на прекрасномъ югѣ, гдѣ такъ, такъ хорошо, гдѣ такія прекрасныя, теплыя болота и такъ много мошекъ и всякихъ другихъ съѣдобныхъ насѣкомыхъ.

— Я заѣхала къ вамъ посмотреть, какъ вы живете, — сказала она, — я пробуду у васъ до весны, пока не вернутся мои утки, которыхъ я отпустила.

Но утки ужъ никогда не вернулись. Онѣ думали, что квакушка разбилась о землю, и очень жалѣли ее.

Гаршинъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ЛЯГУШКИ-КВАКУШКИ.

Въ одинъ солнечный прекрасный денекъ вышли изъ пруда на зеленый берегъ лягушки-квакушки. Одна изъ нихъ вспомнила свое прошлое и стала рассказывать подругамъ о своихъ приключеніяхъ.

Я родилась въ одномъ красивомъ пруду, въ свѣжей и прозрачной водѣ. По берегамъ пруда росли высокіе камыши и густая зеленая трава. Поверхность воды покрывалась широкими листьями и бѣлыми цвѣтами водяныхъ лилій. Веселыя ласточки весь день кружились въ воздухѣ; бѣлыя крикливыя чайки и рыболовы и цѣлые рои мошекъ, комаровъ и красивыхъ синихъ стрекозъ: они носились стаями надъ прудомъ.

Да, здѣсь было дивно хорошо!

О своихъ родителяхъ я не имѣла понятія. Удивительного ничего въ этомъ нѣтъ, такъ какъ у всѣхъ лягушекъ такой обычай: родители никогда не заботятся о своихъ дѣтяхъ; раннею весною моя мать оставила среди камышей около берега шнуръ икры, а сама беззаботно уплыла, и мы остались на попеченіи добраго солнышка. Ей конечно и нельзя было насъ всѣхъ воспитать, насъ въ длинномъ шнурѣ икры было нѣсколько тысячъ яичекъ.

Плавали мы всѣ вмѣстѣ на поверхности пруда, солнце насъ грѣло, вода покачивала на нашихъ волнахъ, а каждая изъ насъ походила на блестящій черненькій шарикъ въ кольцо прозрачнаго студня.

Въ такомъ видѣ я пробыла, точно не могу сказать, но думаю, что недѣли двѣ, какъ я видѣла потомъ на другихъ лягушечьихъ икринкахъ. Только я успѣла проснуться въ своей тюрьмѣ, какъ страшно захотѣла ѣсть.

Весь студень, который меня окружалъ, я съѣла. Моя мать, оставивъ меня на произволь судьбы, нарочно заготовила на первое время для меня этотъ вкусный запасъ пищи.

Первымъ моимъ движеніемъ было желаніе выбраться на волю изъ своей студенистой темницы, но это было напрасно, у меня не доставало силъ. Только черезъ нѣсколько дней могла я наконецъ прорвать сѣть и выйти на

волю, когда я уже нѣсколько окрѣпла и выросла. То-то была радость! Цѣлый міръ раскинулся кругомъ меня, воды было такъ много-много, она тихо укачивала меня на своихъ волнахъ, по берегамъ росли цѣлые лѣса тростника и камышей, а надъ самою головою раскинулось синее небо.

Все это меня такъ поразило, такимъ прекраснымъ и чуднымъ показалось, что я забыла уже ѣсть, а стала плавать по пруду и осматривать все, что меня окружало, не переставая всему удивляться.

Мои братцы и сестрицы, въ одно время со мною вышедшіе на свѣтъ изъ такихъ же икринокъ, тоже плавали и рѣзвились вмѣстѣ со мною.

Пресмѣшные мы были ребятки! Головы у насъ были большія, круглыя, черныя, хвостики длинные, а лапокъ совсѣмъ не было — точно однѣ головы съ хвостиками.

Кто бы могъ подумать, что со временемъ мы станемъ такими чудными лягушками? Мы тогда совершенно не походили на нихъ. Мы прекрасно плавали, какъ маленькія рыбки. Не знаю, какъ другіе мои братья и сестры, но я очень любила плавать; не было такого мѣстечка въ нашемъ пруду, гдѣ бы я не побывала.

Одинъ разъ я чуть-чуть было не попала въ большую бѣду чрезъ свое любопытство.

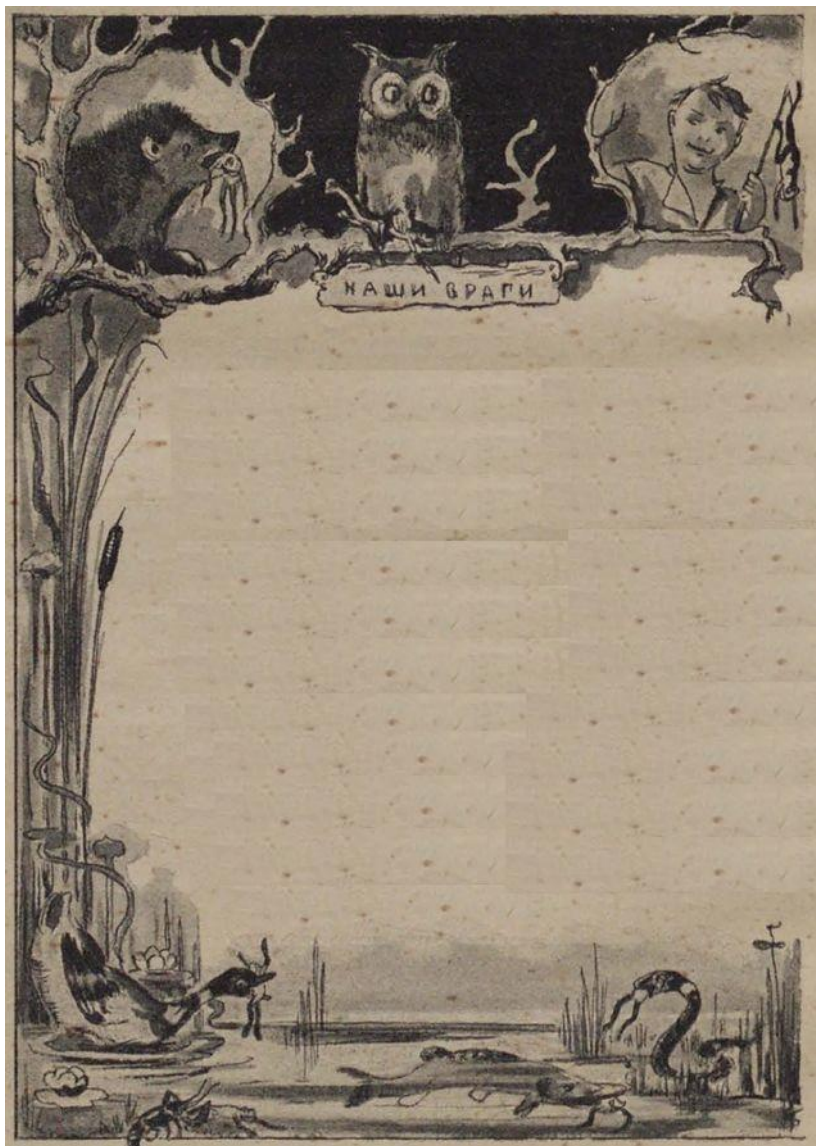
Случилось это такъ: плыла я разъ и

попала въ какую то яму, и никакъ не могла изъ нея выбраться, и попала на мелкое мѣсто, у самаго берега; солнце такъ и палило, вода въ ямкѣ стала быстро высыхать. Мнѣ стало трудно дышать, я не знала, что дѣлать, куда дѣваться, воды уже становилось все меньше и меньше. Я стала задыхаться, какъ вдругъ пошелъ дождь, и я ожила. Ямка наполнилась водою, вода потекла черезъ край, и я вернулась въ родной прудъ.

Я неизбѣжно должна была задохнуться, если бы не пошелъ дождикъ, такъ-какъ мы не могли дышать безъ воды, — въ груди у насъ не было легкихъ, какими дышатъ люди и всѣ животныя и какія потомъ появились и у меня, когда я стала лягушкой.

По бокамъ головы у насъ болтались вѣточки-жабры, онѣ высасывали воздухъ изъ воды; этимъ-то воздухомъ мы и дышали. Привольно жилось намъ въ родномъ пруду, и росли мы не по днямъ, а по часамъ. Мы цѣлый день только и дѣлали, что ѣли; питались мы мягкими гнилыми листочками, сочными корешками, словомъ, всякой пищи было въ пруду очень много.

Головки наши выросли еще больше, животики раздулись точно боченки. Но теперъ, когда мы стали больше и замѣтнѣе, жизнь наша сдѣлалась тревожнѣе и опаснѣе: въ нашъ прудъ то и дѣло заглядывали чудовища, одно страшнѣе

другого, хватали и поѣдали насъ цѣлыми десятками. Много въ это время погибло моихъ

братьевъ и сестеръ и веселыхъ товарищей; однихъ съѣли утки, другихъ поймали рыбы или водяные жуки. Только мнѣ посчастливилось, и я осталась жива.

Въ пруду я гуляла и играла, такъ-что и не замѣтила тѣхъ перемѣнъ, какія произошли со мною. Сзади, около хвоста, появились у меня вдругъ двѣ бородавочки и стали расти; съ каждымъ днемъ онѣ выросли все больше и больше, и изъ нихъ образовались двѣ маленькія перепончатыя лапки; спереди у меня выросли такія же лапки, а жабры мои становились все короче и короче и скоро совсѣмъ пропали, и я стала тогда походить на тѣхъ большихъ лягушекъ, которыхъ я видѣла около берега нашего пруда и которыя мнѣ всегда такъ нравились. Только хвостикъ мой мѣшалъ мнѣ походить на нихъ, и мнѣ это было очень досадно.

Часто у меня являлось желаніе выбратъся на берегъ и попробовать попрыгать по-суху, да не хватало смѣлости на это. Мои подружки, въ одно время вышедшія со мною изъ яичекъ, важно разгуливали по берегу; я, наконецъ, набралась смѣлости и рѣшилась выбратъся на сушу. Мнѣ очень мѣшалъ пробираться черезъ густую траву хвостикъ, поэтому я съ трудомъ влѣзла на песчаный бугорокъ и здѣсь только я поняла всю прелесть: сидѣть на твердой землѣ и дышать свѣжимъ воздухомъ! Теперь я каждый день влѣзала на берегъ и уходила все дальше и

дальше отъ воды. Хвостикъ, который мнѣ такъ мѣшалъ во время моихъ прогулокъ посуху, становился короче и короче, и вотъ однажды, когда я выскочила изъ воды, я увидала, что хвостъ совсѣмъ исчезъ; и вотъ я стала настоящей лягушкой, а по головастикомъ, какъ звали меня до этого времени.

Съ тѣхъ поръ для меня началась новая жизнь, и на водѣ и на сушѣ. Большую часть времени я разгуливала по полямъ и лугамъ, да и пищу на сушѣ было легче найти, — тамъ было много разныхъ жуковъ, червяковъ, много кружилось надъ цвѣтами разныхъ мошекъ, мухъ, бабочекъ и стрекозъ, и я скоро выучилась ловить ихъ на лету, выбрасывая изо рта свой длинный

языкъ. Ростъ мой быстро увеличивался, къ срединѣ лѣта я стала уже взрослой лягушкой. Теперь я могла далеко путешествовать, я перебиралась изъ нашего пруда въ рѣчку, плыла вверхъ по ней, чуть не до самой деревни, а вылѣзая на берегъ, отправлялась на лугъ или въ ближайшій лѣсъ.

Одинъ разъ отправилась я въ далекую прогулку. День былъ чудесный, пасмурный, въ воздухѣ такъ и пахло дождемъ, и надъ землею поднимался густой туманъ; пахло свѣже-скошеннымъ сѣномъ, комары и мухи такъ и летали надъ самой землей. Я прыгала все дальше и дальше и не обратила вниманія на то, что начался другой мѣръ, гдѣ трава была скошена.

Позади меня что-то зашуршало; когда я оглянулась, то замерла отъ страха: надо мною стояла огромная бѣлая птица на высокихъ ногахъ и съ длиннымъ-предлиннымъ клювомъ, наклонила голову на бокъ и смотрѣла на меня однимъ глазомъ! Тутъ я вспомнила рассказы моихъ подругъ и старыхъ тетушекъ объ аистахъ — это страшные враги, истребители нашего лягушечьяго племени. Я поняла, что передъ мною былъ аистъ! Представьте себѣ мой страхъ! Я приготовилась къ смерти, закрыла глаза и замерла на мѣстѣ, ожидая смертельнаго удара.

Аистъ расправилъ шею, схватилъ меня клювомъ, поднялъ кверху и подбросилъ.

Я упала недалеко отъ него, и не знаю

сама почему, отъ страха или отъ чего другого, лежала вверхъ брюшкомъ, растопыривъ лапки, какъ мертвая, и не шевелилась.

Это-то и спасло меня. Аистъ, не любившій мертвечины, посмотрѣлъ на меня разъ, другой и убѣдившись, что я не дышу, рѣшилъ, что я мертвая, зашипѣлъ и отбросилъ меня своимъ клювомъ еще разъ, потомъ важно и тихо пошелъ прочь.

Никогда я такъ въ жизни не пугалась, я не чаяла, какъ уйти съ этого ужаснаго луга! Черезъ двѣ минуты я была уже въ рѣчкѣ и скоро добралась до пруда.

Прошло много времени, и это событіе стало забываться. Я попрежнему беззаботно жила среди веселыхъ подругъ; днемъ, въ жару мы дремали гдѣ-нибудь у берега въ водѣ или въ полѣ на межѣ, среди высокой травы, а вечеромъ собирались всѣ для разговора, забавъ и пѣнія.

Какъ весело проходило тогда время!

Мы кувыркались въ водѣ, гонялись другъ за дружкой и такъ громко квакали, что оглашали этимъ кваканьемъ всѣ прибрежные поля и лѣса.

Всего же больше любила я наше пѣніе хоромъ. Ночь тихая и теплая, по небу плыветъ ясный мѣсяцъ, надъ водой поднимается легкій туманъ, звѣздочки мигаютъ. Здѣсь и тамъ въ воздухѣ чудесно пахнетъ сыростью, и вдругъ издалека до насъ доносится первый призывъ.

— Кумъ! кумъ! кумъ!

— Кума! кума! кума! — отвѣчаютъ ему голоса съ берега.

— Ква! ква! ква! — дружно подхватываетъ нашъ хоръ. И опять все стихнетъ, и только нѣжное рре-ре-ре! рр-ре-ре! несется по лугу и надъ уснувшимъ прудомъ среди ночной тишины.

Кончивъ пѣть, мы отправлялись на охоту.

Много мѣстъ обходили мы во время этихъ ночныхъ прогулокъ, но всего больше я любила бывать на огородахъ, которые тянулись полосой между прудомъ и деревней. Тамъ-то мы пировали.

На толстыхъ кочкахъ капусты, среди салата и въ густой высокой травѣ между грядъ много было слизняковъ, жуковъ, личинокъ, и мы наѣдались ихъ тамъ досыта и едва домой добирались. Въ огородѣ я познакомилась съ одной почтенной старушкой, нашей дальней родственницей — жабой. Она была неуклюжая, темная, прыщеватая, но сердце у нея было предоброе. Много новаго узнала я отъ нея, много получила полезныхъ совѣтовъ. Она рассказала мнѣ, что нѣсколько лѣтъ уже живетъ въ огородахъ все лѣто. Корма у нея здѣсь много.

— Что хорошаго, — говорила она мнѣ печально: — я не могу жить спокойно и должна дрожать за свою жизнь и прятаться, точно виноватая, люди меня ненавидятъ, считаютъ

меня вѣдьмой и уже сколько разъ собирались убить меня. Какіе они неблагодарные, злые эти люди!

Я убѣждала жабу и говорила, что люди вовсе не такъ ужъ злы, какъ она рассказываетъ, но — увы! скоро и мнѣ пришлось убѣдиться, что моя пріятельница-жаба была права.

Передъ закатомъ солнца на берегу нашего пруда слышались бѣготня и громкіе крики. Это прибѣжали мальчики къ нашему пруду. Я не обратила на нихъ особеннаго вниманія.

«Пусть ихъ бѣгаютъ! — подумала я. — Я ихъ не трогаю и они меня не тронутъ!» Не успѣла я такъ подумать, какъ въ меня полетѣлъ тяжелый камень и шлепнулся позади меня въ

воду. Онъ раздавилъ бы меня, если бы я не успѣла нырнуть.

— Бей ихъ хорошенько! бей! не жалѣй! У, противныя, вотъ вамъ, вотъ! — кричали злые мальчики, и цѣлый десятокъ камней зашлепалъ по водѣ и по кочкамъ.

Въ ужасѣ нырнула я въ воду, пробралась въ самую чащу камыша, забилаь подѣ карягу и слушала съ ужасомъ, какъ летѣли и ударялись о воду камни и какъ смѣялись мальчики.

Но вотъ все замолкло, и я рѣшила выбраться изъ своего убѣжища и выплыть на свѣтъ Божій. Что же я увидала! Мнѣ страшно вспомнить! Мертвыя лягушки, раздавленныя и расплющенные тяжелыми камнями, плавали по водѣ, лежали подѣ камнями на берегу! Цѣлые десятки погибли здѣсь моихъ родныхъ братьевъ и сестеръ веселыхъ подругъ и товарищей. А за что? Что мы имъ сдѣлали, этимъ мальчикамъ? Развѣ не было намъ больно, такъ же какъ и имъ, развѣ не хотѣлось жить намъ? Глупые, злые мальчики!

Скучно прошелъ вечеръ, всѣ сидѣли, забившись по угламъ, печальные и перепуганные, никому и въ голову по приходило заквакать, затянуть пѣсенку...

Словомъ, тяжела наша лягушачья жизнь, много моихъ братьевъ, сестеръ и знакомыхъ погибло у меня на глазахъ, немногіе остались въ живыхъ. Однихъ проглотили аисты или совы утащили въ гнѣздо къ своимъ прожорливымъ птенцамъ; другіе пошли на обѣдъ уткамъ,

ужамъ, ежамъ, шукамъ и ракамъ; много погибло
ихъ и мученической смертью отъ руки

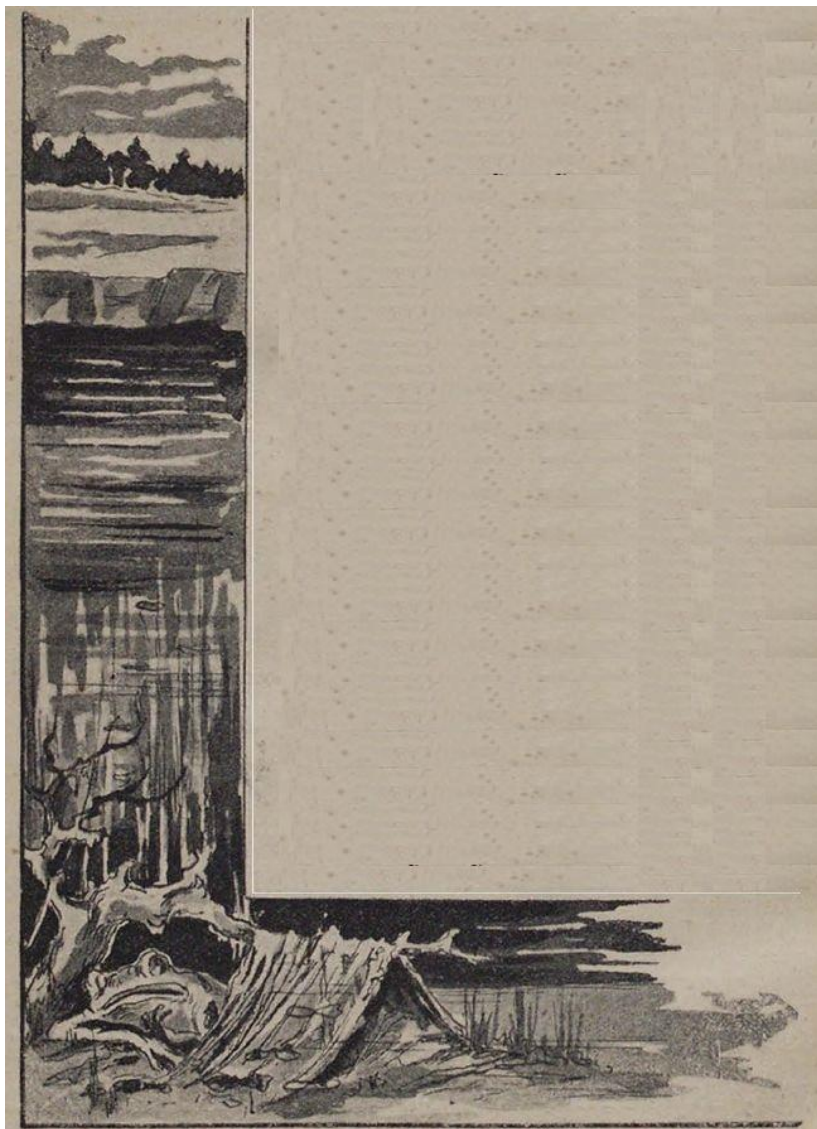
человѣка...

Наконецъ, наступила осень. Погода становилась холоднѣе, и все кругомъ такъ опустѣло: листья съ деревьевъ осыпались, трава пожелтѣла и засохла... Птицы улетѣли, рыбы ушли на дно... Тяжело стало на душѣ; корма становилось меньше и меньше, и мнѣ часто приходилось голодать: насѣкомыя всѣ куда-то исчезли, улитки спрятались. А тамъ опять бѣда: моя старая тетушка лягушка рассказала мнѣ, что скоро наступитъ злая зима, поля засыплеть бѣлымъ снѣгомъ, а рѣка и прудъ замерзнутъ. Мы не знали, что предпринять: молодыя лягушки, какъ узнали про это, то просто головы потеряли и не знали, какъ поступить. Старшіе посовѣтовали намъ опуститься на дно пруда, вырыть себѣ ямки въ илѣ, среди гнилыхъ листьевъ, закопаться въ нихъ и покрѣпче заснуть на всю зиму.

Не хотѣлось намъ разставаться со свѣтомъ страшно, да дѣлать нечего: хочешь не хочешь, а надо слушаться умнаго совѣта, иначе попадешь въ бѣду.

Я опустила на дно нашего пруда, выбрала себѣ укромное мѣстечко и рѣшила: пусть будетъ, что будетъ!

Въ послѣдній разъ вынырнула я изъ воды, простилась съ солнышкомъ, въ послѣдній разъ подышала свѣжимъ воздухомъ; скоро я опускаюсь опять на дно, зарююсь въ яму и крѣпко

засну на всю зиму. Но что это, слышите? Со дна пруда доносится кваканье! Это зовутъ меня мои

подруги! Я иду къ вамъ! иду! Меня начинаетъ клонить ко сну, лапки мои коченѣютъ...

Итакъ, прощайте!.. Но не навсегда: я ухожу отъ васъ только до весны. Съ наступленіемъ весны, когда яркіе лучи весенняго солнышка растопятъ ледяную кору на нашемъ пруду и хорошенько прогрѣютъ воду, тогда и я опять оживу для новой жизни, на новые труды, для новыхъ радостей и горя.

Съ польск. (по Лукъянск.).

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Издание данной книги осуществляется при поддержке Благотворительного фонда восстановления церкви Святой Живоначальной Троицы с часовней в Язвищах (<https://xgam-v-yazvichax.ru>), занимающегося реставрацией храма, расположенного в селѣ Язвищи Боровенковского сельскаго поселения Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трехъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ умерли еще десятки подобныхъ селъ и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человѣкъ, о чемъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвицахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, оскверненный, но величественный – и ждетъ...

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ все вернется, т. к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли пленкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документациі.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчетный счетъ получателя: 40703810655100000343 въ
Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россіи»,
Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой Троицы
въ Язвицахъ.

Счетъ Банка получателя: 30101810500000000653.

БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

Поддержать насъ можно черезъ мобильное

приложение вашего банка воспользовавшись QR-кодом (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвования). В этом случае средства поступают на расчетный счет.

Съ вопросами вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адрес lavgvoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

КНИГИ ВЪ ДОРЕФОРМЕННОЙ ОРФОГРАФИИ

Представляемъ вамъ книги классиковъ русской литературы, исполненныя въ авторской (дореформенной) орфографіи. Изданія являются хорошимъ подаркомъ для читателей русскаго языка.

Приобрѣсти книги вы можете перейдя по адресу: <https://pravopisanie.xram-v-yazvichax.ru>, а также въ Интернетъ-магазинѣ OZON.

Доступны на

Человѣка, добродотно дающаго, любить Богъ, и недостатокъ дѣлъ его восполнить

[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]

